

В России я вечно должен был испытывать чувство вины.

За то, что родился евреем. За то, что одевался иначе, чем другие. Читал «не те» книги. Никогда не говорил «мы». Хотел ездить по свету.

За то, что, став художником, занимался «неправильным» искусством.

В Америке оказалось, что я ни в чем не виноват.

Так, в одном абзаце, один из самых известных современных художников — первый, чьи работы купили в 1988 году на московском аукционе «Сотби», единственный, кого пригласили сделать роспись для обновленного Рейхстага, про кого в частушке поется «Гриша Брускин — парень русский», объяснил, почему он покинул Россию.

— ...Когда я прилетел в Америку и вышел на улицу, я понял, что сейчас умру — страшная жара, на грани обморока, климат не для нормальной жизни. Что такое кредитная карточка — непонятно, что такое банк — непонятно, что такое контракт — непонятно. По-английски я говорил бойко, но не понимал ни одного человека вообще! И первое желание было сесть на самолет и улететь домой — туда, где всё понятно...

Но сейчас я себя чувствую совсем по-другому: Нью-Йорк — Вавилон, где каждый может найти свое место. И если меня спрашивают, кто я такой, я отвечаю: русский художник, который живет в Нью-Йорке. По отношению к тамошней культуре я ботаник, который сидит на стадионе и с интересом наблюдает за происходящим.

Брускин выставлялся во всем мире, написал и издал книгу «Прошедшее время несовершенного вида», писал, лепил, отливал, расписывал, строил и разрушал, проживая жизнь, как комментарий к собственному знаменитому «Лексикону».

Гриша Брускин — парень русский

И другие мифы о художнике, рассказанные им самим

— Я делаю гобелены, шпалеры, объекты, занимаюсь всем: живописью, скульптурой, фарфором. Сейчас — двумя скульптурными проектами. Идея одного из них — идея разрушения.

Я вылепил скульптуры, потом их разрушил — разрушенная метафизическая жизнь. Когда мне 11 сентября позвонили в Италию и сказали, что произошло в Нью-Йорке, я сначала подумал — мой собеседник сошел с ума, а потом

ужасом понял: то, что я делаю, точно отражает происшедшее. Мне близка постмодернистская идея, требующая комментировать комментарий, а не саму жизнь. Но получилось так, что комментарий предчувствовал и опередил жизнь...

Чем бы ни занимался Брускин, его творчество слито со словом. На тарелках — надписи, на картинах — буквы, «Лексикон» — тоже набор «слов», некий каталог.

— Потому что для меня всё связано с идеей книги, текста. Формулы «мир — как книга, книга — как мир», «искусство — как книга» для меня важнейшие. Миф о коммунизме и миф об иудаизме, две главные мои темы, я полагаю — всемирны.

Как известно, евреи — народ Книги. В ней заключены все тайны мира, все скрытые значения явлений. Она — ребус, который предложить человеку, чтобы его разгадать всю жизнь. И, возможно, в ней

скрыто подлинное имя Бога, которое состоит из девятиста девяти букв. Все буквы раскрыть невозможно, лишь какие-то сочетания, и если человек владеет ими, он тоже становится немного Богом.

Персонаж, который я создал, не существовал. И вдруг, когда я уехал на Запад, я, к своему невероятному удивлению, увидел его на улице в Нью-Йорке. Это — человек-мифологема, человек-буква, из сочетания таких букв возникает контекст, который предлагается разгадать зрителю.

Что касается тоталитарного мифа, он вечен, поскольку суть его — противоречие между личностью и обществом. Я — и коллектив, я — и они, человек — и государство. Моя жизнь окрашена этим опытом, я им хорошо владею. Но под внешним слоем, который отсылает к советской эпохе, лежит слой вечный...

Когда я писал свой «Фундаментальный лексикон», никто не предполагал, что при нашей жизни рухнет коммунистический режим, и я старался посмотреть на всё сверху, из будущего. Я собирал бабочки-приметы, коллекционировал и слал весть зрителю-археологу, который через тысячу лет раскопает эту цивилизацию и что-то узнает о нашей жизни. Но — волей судеб — я оказался тем самым человеком будущего, которому послал весть.

Шифровальщик смыслов и археолог культурных понятий, Брускин, казалось бы, предназначен узкому кругу и непоправимо элитарен. Но его ирония — как лупа, с помощью которой он читает толковый словарь жизни, а художественное качество неоспоримо.

Возможно, именно поэтому он стал одним из четырех художников — представителей стран-победительниц во Второй мировой войне, которым было предложено реализовать свои идеи в обновленном Рейхстаге.

— Мне был дан карт-бланш, и я сделал картину, которая называется «Жизнь превыше всего», парфраз культового немецкого гимна со словами «Германия превыше всего». Она связана с нашим тоталитарным мифом, похожим на немецкий. Зритель в чужих чертах узнаёт свои. Как кривое зеркало, которое выявляет какие-то важные, сущностные черты.

...В Мраморном зале Мраморного дворца в Петербурге ритуально вдребезги били тарелки, наблюдали прыжки Дмитрия Пригова с красным шариком-носом, слушали космогоническую музыку Владимира Тарасова и поедали на особых тарелках киевские котлеты. Гриша Брускин представлял свой последний проект — «Суша, окруженная водой».

— ...Однажды я понял, что самым абсурдным было бы сделать фарфоровые тарелки и накормить человека этими картинками... И я поехал в Дулёво, на бывший Кузнецовский фарфоровый завод, нашел там мастеров и сделал несколько фарфоровых серий.

И теперь я собираюсь подойти к самому главному проекту своей жизни. Если мне удастся его осуществить, тогда я точно буду счастлив.

*Общая газета, - 2002
- 24 янв. - с.10*